

люди» — мифические обитатели лесов и шуты, дураки, безумцы регулярно изображались на позднесредневековых значках. Они же были персонажами карнаваловых действ.

Горожане, облаченные в костюмы нечистых духов или звероподобных людей, для которых не были писаны привычные социальные нормы, выстраивались в пародийные процессии и участвовали в карнаваловых танцах. Как предполагает Расмуссен, та-

кие значки могли выдавать участникам братств или гильдий, которые участвовали в подобных действиях — в дополнение к их костюмам или в награду за удачно сыгранную роль. Карнавал и другие светские празднества — вероятный контекст бытования многих позднесредневековых значков, которые так далеки от своих паломнических собратьев.

Михаил Майзульс

Рецензия на: *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века* / отв. ред. С. А. Яцк. СПб.: Алетейя, 2018. — 324 с.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-1-306-315>

Рецензируемая книга представляет собой сборник 19 статей, в основу которых легли доклады, прочитанные в период с 2014 по 2017 гг. на конференциях и коллоквиумах, организованных исследовательской группой научного семинара Лаборатории медиевистических исследований Высшей школы экономики. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на общее восприятие издания. Сборник предлагает очень разные работы современных российских исследователей святости и культа святых на латинском Западе и христианском Востоке. Причем объединяет исследования только тема сборни-

ка, в остальном же каждая статья индивидуальна в отношении постановки вопроса и исследовательских методов. Указанная характеристика «Европы святых...» кажется тривиальной, поскольку отмеченное разнообразие свойственно любому сборнику, однако значение этой характеристики меняется, если принять во внимание введение и заключение, подготовленные ответственным редактором сборника С. А. Яцк. Светлана Александровна предприняла попытку систематизации и контекстуализации собранных статей, чтобы а) показать современное состояние исследований святости в России,

б) и этим предложить новую исследовательскую оптику. Достижению второй задачи способствует предложенный редактором во введении краткий обзор развития исследований по свято-сти и культам святых в Западной Европе, изучение которых проходило при помощи функционального, социо-исторического, культурно-антропологического подходов; кроме того, святость была включена в гендерные исследования, а также появились исследования правовых аспектов канонизации. В результате возникает образ пути от исследований отдельных культов к оформлению нового исследовательского объекта — святости.

Историографический обзор создает незримую сетку координат в отношении статей сборника. Именно при таком подходе статьи в виде сборника приобретают особое значение, в том числе и меняется значение отмеченной широты тем. Тематическое разнообразие и разные исследовательские задачи оцениваются редактором как отражение общей ситуации в отечественной историографии. С. А. Яцык видит причину этого в наследии «советской школы медиевистики» (с. 309). Такой вывод представляется скорее инсайтом, нежели результатом историографического исследования современного состояния истории святых по двум причинам. Во-первых, в силу кратко-

сти введения и заключения этот вывод не получает развернутого обоснования, а во-вторых, знакомство с аппаратом примечаний отдельных статей позволяет предполагать, что предложенные исследовательские вопросы, за редким исключением, рождены на основе предшествующей историографической традиции или же традиции смежных дисциплин. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в некоторых статьях акцент делается на изучении культов отдельных святых, а не поиске подходов в определении святости. С другой стороны, исследование определенных особенностей культов святых в совокупности создает более рельефную картину историографической ситуации и этим демонстрирует диапазон возможных исследовательских направлений.

Тематическая неоднородность касается также географии исследовательских интересов. Латинский Запад представлен работами по средневековой Франции и ее предтечи — Франкскому королевству, а также Вестготскому королевству, восточное христианство — русскими землями, Сербией, Византией и Болгарией. Следует отметить, что в отношении сюжетов, касающихся русских земель, хронологические границы несколько расширены, и порой история развития традиций прослеживается вплоть до первой четверти XVIII века.

Сборник разбит на 5 разделов, в основу которых положен не хронологический и географический принцип, а тематический. В первом разделе, «*Sanctitas, ratio et illuminatio*. Представление о святости на европейском Востоке и европейском Западе», собраны 5 статей, в которых рассматриваются пути формирования святости и идеалов. В статье А. И. Алексеева «Преподобные Иосиф Волоцкий, Нил Сорский и их ученики: противостояние монашеских идеалов или „спор, которого не было“?» прослеживается формирование историографического мифа о противопоставлении взглядов Иосифа Волоцкого и Нила Сорского и влиянии политических событий на формирование аргументов в поддержку монашеских идеалов. Опорным источником для работы с историографическими перипетиями оказываются списки «Просветителя» — сборника антиеретических посланий, в которых выражена позиция Иосифа Волоцкого. А. И. Алексеев обращает внимание на принципиальное отличие Соловецкого списка. Именно это отличие по структуре — отсутствие 12 и 13-го Слова, позволяет предложить обоснование принципиальной разницы позиций Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Кроме того, автор указывает на временной период до опалы 1502 года на князя Дмитрия и его матери Елены как ключевой

в оформлении взглядов Иосифа Волоцкого. Это замечание, в свою очередь, приводит автора к вопросу о роли политических обстоятельств в формировании тезиса о владении монастырскими селами. Он предлагает оставить концепцию нововременного государства в отношении проблематизации самой возможности его посягать на монастырские земли, видя в этих притязаниях выражение закономерной эволюции византийской традиции.

В исследовании «Конфессиональные особенности представлений о культе святых в некоторых полемических текстах Московской Руси конца XV—XVI вв.» М. В. Дмитриева заявлена попытка проследить оформление культа святых по нормативным текстам. В основу исследования положены «Истины показания», «Послание многословное», «Просветитель». Статья открывается историографическим обзором, в котором предлагается для ориентира эволюционная линия развития представлений о святых на латинском Западе. Сама эволюция образа святого на Западе практически не привлекает интереса М. В. Дмитриева, автор обращает внимание на конечный ее этап — приближение образа святого к мирянам, благодаря чему святость становится более достижимой. В этой связи выявленный автором на основе трех произведений Московской Руси кон-

цент теозиса — «вселения Бога» в праведников и святых и доступность *обожения* для рабов Божьих и праведников — в типологическом плане приближает образ святости в Московской Руси к западноевропейскому. Однако автор подчеркивает роль Византии в формировании концепции теозиса, чем нивелируется социальный фактор в укреплении этой концепции в Московии. Вместе с тем М. В. Дмитриев оговаривает предварительный характер своих выводов.

В следующей статье раздела — «Культы святых Могилянского времени между Римом, Константинополем и Москвой (на примере «Патерикона» Сильвестра Косова и «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского)» Н. А. Синкевич показала сосуществование в XVII веке двух векторов духовной жизни в Киевской митрополии. Источниковой базой послужили «Патерикон» Сильвестра Косова (1635 г.) и «Тератургима» Афанасия Кальнофойского (1638 г.). Сопоставляя упоминания святых в разных источниках, автор приходит к выводу о разных основаниях представлений о святости. Так, для Косова невозможно допустить канонизацию неидентифицированных реликвий, а, значит, признать святость за пещерными мощами. В исследовании показана связь между социальным происхождением и образованием с идеалами святости. Сильвестр

Косов тяготеет больше к киевской традиции с культом князя-крестителя Владимира и митрополита Михаила, тем временем как Афанасий Кальнофойский склоняется к культу печерских мощей и московским традициям.

В сборнике опубликованы две работы О. И. Тогоевой, которые помещены в разные разделы. В первом разделе — «Святая Жанна д'Арк в "Мистерии об осаде Орлеана"» она предлагает рассмотреть пример текста с явными признаками, присущими житийной литературе, но по содержанию посвященного военно-политическому событию. «Мистерия об осаде Орлеана» не укладывается в приведенную автором классификацию: это ни библейская, ни агиографическая мистерия, поскольку Жанна д'Арк еще не причислена к лику святых. Акцент на этой «Мистерии» позволяет поставить вопрос о трактовке неканонических текстов. Ключом для трактовки таких текстов, по мысли автора, является выделение структурообразующих элементов (молитва, библейский прототип и пр.).

В последней статье раздела — «Символика святого "действия"»: архангел Михаил и его чудо в Хонах в киевской древнерусской и барочной традиции» В. И. Ульяновского — рассматривается уникальное явление: посвящение Выдубицкой обители Киева не персональному покровителю,

но чуду архангела Михаила в Хонах и одновременно проблеме интерпретации посвящения. Автор считает, что Выдубицкий монастырь первоначально был посвящен чуду и этот факт оставался в памяти современников, несмотря на то, что в ряде текстов он со временем не артикулировался. В.И. Ульяновский подчеркивает роль деталей при работе с нарративными источниками, причем их роль оказывается более явной с учетом материальных памятников: печатей, даров храму, икон.

Второй раздел «*Sanctitas et humilitas*. Экстремальные и парадоксальные формы святости в византийско-православных и латинских культурах» объединяет три статьи, в которых разбираются особые формы святости: поклонение мощам непризнанных святых, юродство и женское визионерство. С.А. Иванов в статье «Святость украдкой: Никон Черногорец и «Евфимиева история»» анализирует небольшой отрывок, описывающий события V в. в Константинополе. Автор просматривает сквозь два хронологических слоя V в. и рубежа XI–XII вв., как меняется оценка политики по созданию культов святых. Сюжет образует история византийской императрицы Евдокии, которая смешала останки ее невинноубиенных приближенных с мощами великомучеников. Для V века эта история выглядела как кощунство, поскольку императрица

так заставила поклоняться останкам государственных преступников, для Никона Черногольца же эта история и ее включение в несохранившуюся «Евфимиеву историю» была демонстрацией осторожного отношения к процессам канонизации. Текст Никона Черногольца позволяет С.А. Иванову пересмотреть тезис о снижении количества канонизаций после метафрастовской реформы.

В сборнике также имеются две работы Людмилы Борисовны Сукиной. В первом разделе помещена ее статья «Юродство как элемент поведенческой модели святых Русской церкви глазами агиографов XVI — начала XVIII в.». Автор начинает статью с историографического обзора накопленных подходов в оценке древнерусского феномена, отмечая актуальность выделения типических черт святых-юродивых. Л.Б. Сукина обращает внимание на отсутствие в предшествующей литературной традиции готовых образцов жизнеописаний юродивых, что усиливает значение генезиса и адаптацию явления в древнерусской книжной культуре. Автор относит к типичным элементам, оформляющим образ юродивого, простоту происхождения, неискусственность в вере, определенные места жительства и страдания, и, наконец, посмертные чудеса. Как отмечает Л.Б. Сукина, к концу XVII века наблюдается «деградация» по-

читания юродивых, что находит свое отражение в агиографии. Авторам приходится для подтверждения святости приводить больше примеров прижизненных и посмертных чудес. Необходимость обоснования святости юродивых указывает на трансформацию восприятия юродства как чуждого монастырским идеалам.

Завершает раздел вторая статья О.И. Тогоевой «*“Idiotas, ac sine litteris mulierculus”?* Жан Жерсон и проблема женской святости», в которой проводится ревизия двух позиций в историографии относительно воззрений Ж. Жерсона на женскую святость. Ольга Игоревна выделяет на основе анализа трактатов Жерсона два объекта его критики — женское визионерство и мистицизм (поведение), а также распространение их идей, которым занимались в основном мужчины (литературное творчество). Мистицизм, как подчеркивает Тогоева, не вызывал у Жерсона возражений, в отличие от литературного творчества, заслужившего у французского теолога только порицание, поскольку распространение литературно обработанных откровений, в особенности не на латыни, сеяло только смуту в умах мирян.

Третий раздел, самый большой, — «*Sanctitas, potestas, auctoritas*. “Политическая” святость и политические функции культа святых. Латинский Запад, Визан-

тия, православный Восток» объединяет 7 статей.

В первой статье «Формирование и развитие культа св. Радегунды» Н.Ю. Бикеевой описывается история культа святой начиная с VII в. и заканчивая XIX в. Автор уделяет особое внимание процессу формирования культа и развитию образа святой в первых трех житиях. В двух первых агиографиях образ Радегунды, жены короля Хлотаря, интерпретировался в соответствии со сложившимся к тому времени агиографическим пониманием святости и благочестия, где играло особую роль благородное происхождение святой вместе с благочестивой бедностью и каритативной деятельностью, а также включенность в политическую жизнь. Третье житие рубежа XI–XII веков также несет на себе отпечаток времени. Его автор — Хильдеберт Лаварденский — скомпилировал свое сочинение из предшествующих двух и при этом внес новую оценку брака с Хлотарем, подчеркнув отвращение к исполнению супружеского долга. На протяжении последующих веков культ упрочился в Пуатье как локальный, вместе с тем иногда использовался в политических целях.

Следующая статья раздела, «Функции парного культа Симеона и Савы сербских: от афонского монашества до национальных святых» Адашинской А.А., как

следует из названия, построена на функциональном подходе. Выбор метода придает работе четкую структуру и обогащает ее массой находок. Так, функциональный подход позволяет пересмотреть историографическую дилемму о восприятии культа либо как элемента династической идеологии, либо как отдельного парного культа. Анна Адамовна выделяет 4 функции «двоицы»: ктитория, покровители династии, заступники за умерших и защитники отечества (государства и церкви). Выделение первой функции указывает на монастырскую среду Хиландарской обители как на источник оформления дискурса парного культа, откуда затем теперь уже как парный он будет перенесен в династический дискурс. Однако с XIII по XIV век культ сохраняет обе функции и лишь только позднее династическая функция занимает доминирующее положение. Продолжением развития перечисленных функций становится превращение Симеона и Савы в «национальных святых» (XVI–XVII вв.). Трансформация происходит в результате пресечения династии Неманичей и выражается в редукции их обозначения до «сербские», одновременно с этим фиксации святых как пары. Однако на территориях относительно независимых от Турции (Черногория) функция национальных святых не находит своего развития. Методологическое решение о вы-

делении функций парного культа позволяет автору далее проследить распространение культа в Румынии и Московском княжестве, указывая на то, как политические причины способствуют проявлению тех или иных функций парного культа.

Особый интерес привлекает третья статья раздела авторства Е. С. Кравцовой — «Созидание святого короля: францисканский орден и королевская власть во Франции до 1270 г.». Во-первых, это вторая статья сборника, демонстрирующая подходы к формированию образа святого задолго до его канонизации (см. статью О. И. Тогоевой о мистерии). Во-вторых, оригинальность выбранного метода предлагает новую оптику. Автор проводит исследование 19 проповедей Бонавентуры из Баньореджо, генерального министра францисканского ордена, в котором обосновывается непротиворечивое взаимодействие королевской власти и нищенствующих братьев. Орден еще при жизни Людовика IX стал исполнять некоторые функции в администрации короля. Эта особенность положения миноритов приводит к проблеме легитимности власти короля над орденом. И король и орден заинтересованы в поддержке друг друга, но отсутствует идеологическое основание для формирующихся отношений. Е. С. Кравцова выделяет риторические приемы,

способствующие сопоставлению образа короля с идеалами монашеского ордена, что снимает противоречия между церковной и мирской властью. В частности, прикосновение к деньгам выводятся из сферы порока в план божественной воли. Последнее, в свою очередь, оправдывает сбор податей и штрафов, возложенный на монахов. Как утверждает Елена Сергеевна, собранные идеи затем «в полной мере будут развиты в проповедях, литургии, трактатах, созданных после смерти короля» и так будет подготовлено риторическое обоснование канонизации. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в исследовании не показано, какой отклик выявленные риторические приемы нашли в орденской среде (например их воспроизводимость), равно как и у легистов; без такого сопоставления возникает вопрос о степени влияния проповедей Бонавентуры из Баньореджо.

В статье «Конструирование образа святого отшельника в “Житии Эмилиана” Браулиона Сарагосского» Е. С. Марей выделяются основные сюжетные линии, образующие остова агиографии Эмилиана-исповедника, вестготского святого. Его жизнеописание подчеркивает низкое происхождение, что контрастирует с традицией. По агиографии он представлялся как исцеляющий представитель разных социальных кругов. На основании двух выделенных

характеристик Елена Сергеевна оспаривает позицию В. Валькарселя о целевой аудитории Жития, полагая, что его автор Браулион Сарагосский ориентировался как на образованных клириков, так и на мирян.

Работа «Сакральные дни и женские культы в латинской, греческой и славянской традициях» Е. В. Беляковой и Т. А. Лебер посвящена разбору связи почитания сакральных дней и распространением женских культов — св. Параскевы (Петки), св. Недели и св. Феофано. Объектом исследования становится персонализация двух дней недели — пятницы и воскресенья.

В небольшой статье «Пламенеют ли волосы апостола Андрея?» А. Ю. Виноградов показывает взаимосвязь между литературой и искусством в образе ап. Андрея. Если изначально его иконография зависела от апокрифических текстов (появление «огненного» облика апостола), то средневизантийские тексты уже описывают облик Андрея, ориентируясь на его живописные изображения.

Завершает раздел исследование Ф. Б. Успенского «К характеристике культа святых в династии Рюриковичей домонгольского времени». На основе разных источников — крестильных имен Рюриковичей, посвящений храмов, печатей, а также случаев имянаречения — Федор Борисович демонстрирует синкретиче-

ское почитание святых у Рюриковичей домонгольской Руси. Как подчеркивает сам автор, дохристианская традиция уподобления нового члена рода умершему предку сохраняется и после крещения, поэтому представитель рода может почитать не только своего патрона, но и общеродового святого (св. Георгий и архистратиг Михаил).

Четвертый раздел «*Sanctitas, missio, persecutio*. “Толерантные” и “нетолерантные” святые в истории христианской Европы» открывается статьей Т.Л. Александровой «Нетерпимость как атрибут святости в Восточной Римской империи первой половины V в.: правила и исключения», в которой на материале агиографий и нормативных документов показано, как соотносились решения по имущественному и правовому ограничению представителей других конфессий с идеалом императорской святости. Нетерпимость в отношении еретиков оказывается важнейшим признаком святости. Интересным оказывается положение императрицы Евдокии, которая, несмотря на проявленный пример благочестия, сохранив терпимость к представителям других вероисповеданий, настоящей славы так и не снискала.

Во второй статье раздела — «Святые против Казанского ханства: “чудесная” история казанской войны» М.В. Моисеева — рассматриваются три тек-

ста, созданные вскоре после покорения Казани: «Казанская история», «История о великом князе Московском» и «Троицкая повесть о взятии Казани». М.В. Моисеев акцентирует внимание на том, как событие было осмыслено в сакральном контексте. Если Андриан Ангелов и Андрей Курбский осмыслили масштаб победы с позиции русско-татарских отношений, то автор «Казанской истории» последним в этом ряду придает победе над ханом общемировое значение как освобождение земли от злых сил. Как показывает М.В. Моисеев, этой цели подчинен ряд сюжетов: история о бесах, предсказаниях и образы женщин; как следствие, взятие Казани перемещается из дискурса завоевания в дискурс освобождения.

Заключительный — пятый — раздел «*Sanctitas et praxis*. Практики святости на Востоке и Западе» объединяет 2 статьи, которые посвящены практикам перенесения мощей и столпничества.

В статье «Почитание мощей святых и сакральная география средневековой Болгарии» ее автор — Дмитрий Игоревич Полыняный — акцентирует внимание на особенной практике почитания святых в Болгарии — перемещение мощей и выделяет на примере истории мощей порядка 20 святых несколько целей для *translatio*: градозащитную, укрепление престижа

центра, смену власти. Автор отмечает устойчивость этой практики по всей истории Болгарии от ее христианизации до установления османского господства.

Заключительная статья сборника авторства Л. Б. Сукиной «Восточнохристианская традиция и “национальная” специфика столпничества в Древней Руси: проблемы и источники историко-культурного исследования» вызывает особый интерес, так это тема практически не разработана. Автор предприняла попытку описания феномена столпничества в Древней Руси, прежде всего, интерпретации понятия «столп», получившего сакральное переосмысление. По мнению автора, это понятие сохранило исключительно символическое значение и утратило связь с какими-либо столбами, как это было в христианской традиции на Ближнем Востоке. В Древней Руси оно подразумевало затворничество, место которого могло находиться в храме — на хорах, в специальных ниша-кельях, или вырытых пещерах. Обращение к анализу пла-

нов монастырских комплексов и фресок позволяет автору выдвинуть гипотезу о распространенности такого затворничества. Тем не менее, вопрос о закреплении обозначения «столпник» только за двумя святыми — Кириллом Туровским и Никитой Переславским — остается открытым. Исследование житий этих двух святых показывает, что древнерусские примеры уже далеки от традиции восточного столпничества и близки византийской, где произошло слияние образов «пещеры» и «столпа».

Характеризуя сборник в целом, можно отметить, что поставленные редактором задачи оказались выполнены. В сборнике представлены разные исследовательские оптики и, как следствие, разные объекты. «Святость» предстала в нескольких модусах: как зеркало социально-политических процессов, как идеологическое основание, а также и как самостоятельный культурный феномен.

Антон Котов

Рецензия на: Price, D. H. (2020) *In the Beginning Was the Image: Art and the Reformation Bible*. New York: Oxford University Press. — 411 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-1-315-323>

Опубликованная в 2020 г. Дэвидом Прайсом книга («В начале

был Образ. Искусство и Реформация») в самом своем назва-